На правах рукописи

Мухина Юлия Николаевна

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИРОНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале русского и английского языков)

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов 2006

Работа выполнена в Педагогическом институте Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Орлова Надежда Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор Елина Евгения Аркадьевна
кандидат филологических наук Балашова Елена Юрьевна

Ведущая организация: Тамбовский государственный университет

Защита диссертации состоится 27 ноября 2006 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета К-212.239.01 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» (5 корпус СГАП, ул. Вольская, 1.к. 616).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права».

Автореферат разослан « »_____ 2006 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета Кирюшкина Т.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Среди бытующих в культурной практике явлений есть ряд таких, которые при широкой распространенности не получили в науке полного, однозначного и непротиворечивого описания. Один из примеров тому – ирония. Ею охотно пользуются в речи, ее легко улавливает интерпретатор литературного текста, но попытка раскрыть ее внутренний механизм всегда сопряжена с затруднениями.

С одной стороны, ирония неразрывно связана со смехом, с комическим. Значимость для искусства и литературы смеха и всего к нему относящегося трудно переоценить. Смех как грань сознания и поведения человека, во-первых, является выражением жизнерадостности, душевного здоровья, жизненных сил и энергии, и при этом – неотъемлемым звеном доброжелательного общения. И, во-вторых, смех – это форма неприятия и осуждения людьми того, что их окружает, насмешка над чем-либо, непосредственно-эмоциональное постижение неких противоречий, нередко связанное с отчуждением человека от того, что им воспринимается. Этой стороной ирония связана с комическим.

В науке о языке затрагиваются различные аспекты изучения иронии – от стилистической интерпретации тропа до рассмотрения иронии как концептуальной категории текста (М.Ю. Орлов). Очевидно, что оперирование понятием «ирония» в традиционном смысле не укладывается в рамки современных исследований. В научном поиске лингвисты переходят от традиционной интерпретации феномена (О.Я. Палкевич, Т.Ф. Лимарева) к рассмотрению ее как ментального и лингвокультурного образования (Е.А. Брюханова), в связи с чем встает вопрос об установлении роли иронии в формировании особенностей национального видения мира.

На лексико-семантическом уровне, который по-прежнему рассматривается как отправная точка интерпретации любого вида иронии, не получил полного и всестороннего освещения вопрос о средствах репрезентации иронии в ткани художественного произведения, особенностях адекватной интерпретации иронического контекста. Неопределенным остается вопрос и о прагматическом статусе иронии как составляющей современного дискурса. Ироническое оценивание становится актуальным в плане антропоцентрического переосмысления лингвистических идей. Определение лингвистического механизма и специфики функционирования иронии в художественном произведении (как прозаическом, так и драматическом) нуждается в дальнейших тщательных исследованиях, что определяет ***актуальность*** данного ***исследования***.

Объектом исследования и описания является ирония, выступающая, с одной стороны, как феномен эстетики (рассматриваемый зачастую в составе более общей категории комического) и, с другой стороны, стилистики (рассматриваемый как один из тропов, основанный на контрастном противопоставлении формы и содержания). В качестве ***предмета исследования*** нами выбрана ирония, находящая свою экспликацию в художественных произведениях русских и англоязычных авторов. В центре

внимания – средства вербальной репрезентации иронии в художественном тексте в русском и английском языках и особенности интерпретации иронического контекста.

Цель работы – выявить и сопоставить закономерности репрезентации иронии в художественном произведении в русском и английском языках. Достижение указанной цели подразумевает решение следующих конкретных ***задач***:

1. установить статус иронии в свете традиционных и современных филологических исследований; выявить ее особенности как составляющей категории комического и средства эмоционально-оценочной критики;
2. выявить основные интерпретирующие компоненты иронии (внешнего и внутреннего плана); установить степень их автономности;
3. определить контекстуальные условия репрезентации и последующей адекватной интерпретации иронического смысла;
4. выявить и сопоставить средства репрезентации иронии в русском и английском языках и определить критерии их иронической маркированности;
5. предложить методику анализа иронического контекста, построенную на принципах современной лингвистической науки (антропоцентризме, экспансивности, экспланаторности).

Цель и задачи исследования определяют выбор ***методов***. В качестве ***методологической базы*** нами выбраны общепринятые совокупности теоретических установок, приемов исследования, связанные с теорией иронии и интерпретацией иронических смыслов. При отборе случаев языковой реализации иронии и установлении ее признаков, а также при описании наблюдаемых иронически маркированных единиц в вербальной и символической форме используется метод наблюдения. Также используются: метод обобщения при объединении определенных языковых явлений в категорию иронии; метод интерпретации результатов наблюдения; метод трансформаций при переводе и толковании иронического контекста; дистрибутивный метод при изучении иронического контекста; метод компонентного анализа при выделении дифференциальных признаков иронии и интегральных признаков иронически маркированных единиц текста; статистический метод при обработке результатов исследования; сопоставительный метод. Все виды анализа художественного текста применялись комплексно.

Научная новизна и теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно дает возможность на новом, специфическом, материале расширить представление об иронии, исследовать данное понятие более глубоко и в более широкой теоретической перспективе в аспекте основных принципов современной науки о языке. Достижения теоретического языкознания нашли отражение при исследовании частных вопросов; в ином свете представляются и некоторые положения теории

иронии (особенности интерпретации иронического контекста, тенденция к привлечению широкого контекста для полного и точного толкования ирониии, что связывает настоящее исследование с идеями бихевиоризма и идеями лингвистов Лондонской школы, которые вводят понятие контекста ситуации, учитывающего как собственно лингвистическое окружение, так и экстралингвистические факторы).

Ирония, как известно, явление не только языковое, но она редко обходится без языкового выражения. Изучение особенностей экспликации иронии в ткани художественного произведения требует обращения к некоторым вопросам лексической семантики, рассматривающей семантические типы слов, подверженные иронии, изменения значения иронически употребленного слова, лексические значения, порождаемые ироническим преобразованием смысла. Решение этих проблем позволит выявить более широкий круг лексических единиц, приобретающих иронический компонент в ситуативном контексте (в отличие от единиц, в которых иронический экспрессивный элемент объективно входит в структуру значения).

Ирония может обходится без тропов, но иногда заключает в себе троп, что позволяет рассматривать известные стилистические явления с точки зрения их иронической маркированности. Предложенный подход к интерпретации иронии в рамках художественного произведения помогает углубить представление об имплицитном значении лексических единиц, зачастую не осознаваемом интерпретатором и не закрепленном за языковой единицей.

Принципиально новым является рассмотрение иронии в классическом понимании в русле современных тенденций теоретического языкознания, в функциональном аспекте с учетом принципов антропоцентризма, экспланаторности, экспансивности.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования полученных знаний на практике, поскольку каждый случай проявления иронии несет в себе определенную информацию об авторском замысле, о его оценке событий и явлений, об идее художественного произведения. А так как художественное произведение является отражением действительности, то результаты данного исследования могут стать средством активного ее познания.

Результаты исследования могут быть использованы в лингвистических и литературоведческих курсах («Интерпретация художественного текста», «Стилистика»), в семинарах по стилистике и художественной речи.

Ирония требует пристального внимания, а изучение особенностей декодирования иронической информации в русском и английском языках во многом способствует адекватному пониманию высказывания на коммуникативно-прагматическом уровне как в моно-, так и в межкультурном общении.

Материалом исследования послужили художественные произведения русских и англоязычных авторов конца XIX-XXI веков (всего около 600 иронических контекстов). Это романы, рассказы, драматические произведения А. Чехова, М. Булгакова, Д. Донцовой, Н. Коляды, А. Яхонтова, O. Wilde, Jerome K. Jerome, M. Spark, J. Updike, A. Huxley, R. Via, J. Colgan. Специфика материала, в частности обращение к прозе различных авторов, а также анализ текстов произведений современной, «массовой» литературы (Д. Донцова, J. Colgan) и пьес современных драматургов продиктована стремлением автора проследить тенденции в реализации иронии в речи. Несмотря на кажущуюся несопоставимость серьезной и массовой литературы, зачастую граница между этими жанрами достаточно зыбкая, и сами писатели видят в ней во многом необходимую составляющую литературного процесса [Семенова 2000: 169]. Исследователи отмечают, что массовая литература становится более интеллектуальной. Процессы общественной жизни последних лет усилили как никогда прежде ироничное отношение людей к происходящему, хотя ранее такое отношение служило способом (одним из немногих возможных) и постижения действительности, и самоутверждения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ирония, являясь неотъемлемой частью современного дискурса, требует качественно нового подхода к ее интерпретации. Современное состояние лингвистической науки предполагает выход за рамки собственно лингвистического исследования, в связи с чем в область изучения иронии и иронических контекстов вовлекаются результаты психологических, психолингвистических, культуроведческих и др. исследований.
2. Иронически употребленное слово (единица текста) реализуется непременно в контексте, что требует рассмотрения иронии с позиции контекста ситуации, охватывающего не только все языковые средства, но также и все главные корреляты ситуации.
3. Контекстуальные условия и учет таких критериев, как способность к созданию второго плана, контрастирующего с первым, контраст предметно-логического и контекстуального значения, наличие эмоционально-оценочного компонента позволяют выделить иронически маркированные единицы текста.
4. Диапазон средств создания иронического эффекта в таких разноструктурных языках как русский и английский полностью совпадает, при этом представляется возможным выделить доминанты иронизирования (каламбур, апелляция к прецедентным феноменам).

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачами, а также материалом исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. В первой главе рассматривается ирония как эстетическая категория, в частности как одна из разновидностей комического и в качестве категории лингвистики; освещаются черты сходства и различия иронии, юмора, сатиры, сарказма;

исследуются предпосылки возникновения термина «ирония» и ключевые этапы исторического становления данной категории. Вторая глава посвящена рассмотрению особенностей текстовой экспликации иронии на лексико-семантическом уровне в художественном тексте и основополагающим категориям интерпретации иронического контекста. В третьей главе проводится анализ средств репрезентации иронического смысла в ткани художественного произведения в русском и английском языках, делается попытка установить ее коммуникативно-прагматический статус и предложить методику интерпретации иронического контекста. Работа содержит библиографию, включающую статьи и монографии, материал исследования и справочную литературу на русском, английском и немецком языках.

В качестве ***апробации*** работы по результатам проведенного исследования были сделаны доклады на итоговой научной конференции Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского (2002, 2003, 2004 гг.), на международной конференции «Деловой и юридический английский: лингвистические и методические аспекты» (2005 г.), на 2-ой межвузовской научной конференции «Язык, образование и культура» (2006 г.), на международной конференции «Язык и культура в едином экономическом пространстве» (2006 г.), на международной конференции «Языковые и культурные контакты» (2006 г.). По теме исследования опубликовано 8 статей.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются цели и задачи работы, устанавливается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, методологические и теоретические основы диссертации.

В **первой главе** «Ирония в историко-лингвистическом аспекте» рассматривается ирония как эстетическая категория, в частности как одна из разновидностей комического, и категория лингвистики; освещаются черты сходства и различия иронии, юмора, сатиры, сарказма; исследуются предпосылки возникновения термина «ирония» и ключевые этапы исторического становления данной категории.

Анализ основных предшествующих этапов становления понятия ирония подтверждает факт греческого происхождения термина, что напрямую связано с возникновением в Древней Греции интереса к ораторскому искусству. Со временем семантика понятия «ирония» выходит за пределы притворного самоуничижения, перерастает в обозначение риторического приема и приобретает статус термина. Следует отметить, что для последующего развития теории иронии на лингвистическом уровне глубокий смысл имеют философские предпосылки. Теория иронии Нового времени, создаваемая в русле новой лингвистической парадигмы, во многом опирается на теории прошлого (идеи ученых античности, средневековья,

эпохи Возрождения), интерпретирует, уточняет и расширяет их с использованием данных современной науки.

Так, на философско-эстетическом уровне ирония традиционно рассматривается прежде всего в составе категории комического как определенный вид освещения жизни, тип авторской эмоциональности. Современные теории комического, предложенные И. Кантом, Б. Дземидоком, А. Бергсоном, М.М. Бахтиным, В.Я. Проппом, Ю.Б. Боревым, А. Зверевым, Л. Карасевым, Г. Кружковым, основываясь на классическом аристотелевском определении, ставят своей первостепенной задачей раскрытие социальной природы данного феномена, объяснение предпосылок его возникновения и дают толкование причин смеха. Однако универсальной теории комического, не вызывающей противоречий, до сих пор не выведено. В самых общих чертах комическое рассматривается как отрицающая и утверждающая критика, причина которой – отклонение от нормы. Очевидно, что этой стороной ирония неразрывно связана с категорией комического. Включение в систему существующих знаний, в частности разработанные теории смеха, позволяет вывести общую формулу иронии, представляющую собой сочетание смеха одоления, смеха своеволия и смеха понимания.

Однако тенденция к расширению границ смехового мира на протяжении XX-XXI столетий, так что они протягиваются и через область трагического, обозначила таким образом переплетение трагического и смехового начал как некое общее веяние. Ирония в значительной мере является и частью категории трагического, традиционное понимание которого сводится к следующему: «трагическое – категория эстетики, выражающая диалектику свободы и необходимости, противоречия общественного развития, личности и общества, борьбу прекрасного и безобразного. Идеалистическое толкование сущности трагического сводится к безысходности человеческого существования» [Философский словарь 1991: 464]. В русле данного предположения, например, находится так называемая ирония судьбы, соответствующая не комической, а трагедийной коллизии.

Общность происхождения термина «ирония» не влечет за собой его одинаковое дальнейшее развитие и освоение языками различных культур и лингвистических традиций. Отсутствие четкого разграничения терминов «ирония», «драматическая ирония», «трагическая ирония» в толковых словарях русского языка позволяет сделать вывод о некоторой его удаленности от лингвистических традиций других индоевропейских языков (в частности английского, немецкого, французского) и о большей близости последних к греческой лингвистической традиции. Современное состояние терминологии тропов контраста в отечественной лингвистике берет свое начало непосредственно от латинской традиции.

На некоторых этапах эстетического развития ирония (смех под маской серьезности) выкристаллизовывается в самостоятельную родовую художественную структуру (романтизм, символизм, постмодернизм), в другие периоды она, оставаясь одним из многообразных оттенков смеха,

дополняет и усиливает авторскую эмоциональность. Наблюдается наличие тесных связей между специальным и повседневным смыслом этого слова. Лингвистические исследования показывают, что в повседневной речи (устной и письменной) ирония имеет различные диапазоны употребления и утрачивает таким образом свое терминологическое значение.

Сложность явления иронии определяется последовательным развитием от «притворства», через риторическое толкование, прием смеховой критики, самокритику в сочетании с самовосхвалением к риторической стратегии высказывания и активному средству организации текста и демонстрирует многократную апелляцию к пониманию иронии как жизненной позиции, типа эстетического отношения к действительности. Анализ предпосылок возникновения термина «ирония» и основных этапов исторического становления этой категории убедительно доказывает ее семантическую многослойность на современном этапе.

Использование широкого диапазона средств комического (в составе которого выделяют сатиру, юмор, иронию, сарказм) зависит в первую очередь от качественной определенности и индивидуального своеобразия описываемого явления и является результатом безошибочно точной эстетической оценки комедийного конфликта. Ирония, как вторичная форма эстетического отношения, существует как на сатирической, так и на юмористической основе. Основные отличительные признаки юмора и сатиры - объект смеха, степень критичности, отношение к реальности и цель субъекта – можно представить в виде следующей схемы:

	ИРОНИЯ	
	ЮМОР	САТИРА
объект	частные недостатки	полное несоответствие эстетическим идеалам
степень критичности	утверждающая критика	отрицающая критика
отношение к объекту	сохранение реальных очертаний	резкое преувеличение, деформация
цель субъекта	совершенствование	обличение, уничтожение

Подобная модель верна, однако отражает сущность комического в самых общих чертах. В частности неопределенным остается место драматической иронии, трагической иронии, иронии судьбы. Трагическая ирония по степени критичности могла бы быть поставлена в один ряд с юмором, но фактически это не так.

Традиционно в лингвистике ирония основывается на взаимодействии эксплицитного и имплицитного смыслов лексической единицы, словосочетания, одного или нескольких предложений, в основе которых, в свою очередь, лежит столкновение положительной и отрицательной коннотаций (И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, М.П. Брандес, В.А. Кухаренко, Л.В. Чернец, Д.Э. Розенталь, Ж. Женнет, Ю.М. Скребнев, Р. Кройз и др.). Ирония в узко-лингвистическом и широком понимании универсальна в

отношении русского и английского языков, подтверждением чего является употребление в отечественной и зарубежной лингвистике развитой терминологии, описывающей эти два типа иронии (явная/скрытая, ситуативная/ассоциативная, контекстуальная/текстообразующая ирония; verbal/dramatic, local/extended irony).

Несмотря на тот факт, что лингвистическая интерпретация данного явления не вызывает серьезных разногласий, спорным вопросом остается установление статуса иронии в ряду образных средств языка. Выдвижение на передний план оценочного (не логического) значения позволяет рассматривать иронию в ряду тропов, где традиционно изучается взаимодействие прямых и переносных значений. Кроме того, ироническое оценивание становится актуальным в плане антропоцентрического переосмысления лингвистических идей.

Современное состояние лингвистической науки предполагает выход за рамки собственно лингвистического исследования, в связи с чем в область изучения иронии и иронических контекстов вовлекаются результаты психологических, психолингвистических, культурологических и др. исследований.

Вторая глава «Экспликация иронии в художественном тексте» посвящена рассмотрению особенностей текстовой экспликации иронии в ткани художественного произведения; основополагающим категориям интерпретации иронического контекста и особенностям интерпретации последнего.

Изучение особенностей экспликации иронии в ткани художественного произведения требует обращения к некоторым вопросам лексической семантики, рассматривающей семантические типы слов, подверженные иронии (оценочные, номинативные, количественные), и лексические значения, порождаемые ироническим преобразованием смысла, что указывает на тесную связь лингвистики с когнитивной наукой, поскольку значение определяется как когнитивный феномен, а любые данные об этом феномене – как проливающие свет на структуры сознания и их внутреннее устройство. Универсальность иронии на лингвистическом уровне проявляется в возможности использования этих типов слов как в русском, так и в английском языках.

И в русском, и в английском художественном тексте представляется возможным выделить конкретное слово, контекстуальное значение которого прямо противоположно его словарному значению. Анализ текстового материала позволяет проследить такие закономерные изменения значения слова, как энантиосемия (развитие полярных семантических оттенков в слове) и расширение значения (увеличение семантического объема слова).

Множество других случаев относятся к иронии на основании интуитивного чувства (эффект иронии при этом достигается посредством нескольких утверждений или всего текста), что перекликается с логико-философской традицией, которая противопоставляет дискурсивное и интуитивное знания, полученные в результате рассуждения и в результате

озарения. Данное утверждение представляется ошибочным, поскольку интуиция базируется либо на собственно лингвистических, либо на экстралингвистических знаниях. Представляется целесообразным рассматривать данный вид иронии как результат активного, логически построенного, мыслительного процесса, охватывающего широкий контекст.

Все исследователи справедливо указывают на то, что иронически употребленное слово реализуется непременно в контексте и что именно контекст позволяет распознать и декодировать иронию, реализованную в рамках предложения, абзаца, целого текста (И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, Ю.М. Скребнев, Ю.В. Каменская, Д.Н. Шмелев, и др.) Исследованию контекста и его типологии посвящены работы Г.В. Колшанского, В.Я. Мыркина, Д.Н. Шмелева, Т. Слама-Казаку, И.В. Арнольд и др. Особое внимание ситуативному контексту уделяют лингвисты Лондонской школы Б. Малиновский, Л. Блумфилд, А. Гардинер.

Исследование показывает, что минимальный контекст (совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы) в случае иронии и интерпретации иронических смыслов носит условный характер. В этом отношении особенно важным признается стилистический контекст, теория которого учитывает то обстоятельство, что понимание текста основывается на всех возможных сопоставлениях и противопоставлениях элементов в структуре целого.

Даже при формальном расположении в рамках предложения, а в некоторых случаях словосочетания и даже слова, распознавание и адекватная расшифровка иронии требует обращения к контексту более широкому: культурному (основанному на опыте всего языкового коллектива, являющимся результатом совместной общественной жизни и общности культуры), эмоциональному (общему настроению говорящего, эмоциональной позиции), психологическому (основанному на взаимном знании реалий, связанных с каждым из собеседников), ситуативному (охватывающему не только все языковые средства, то также и все главные корреляты ситуации). Последний освещает так называемую ситуативную иронию и строится на основе бихевиористических тезисов, в частности, идее о речевом акте как продолжении реального физического акта. Этой стороной данное исследование связано с тенденцией современной теории к объединению ситуативного и собственно лингвистического планов.

Есть основания утверждать, что ирония в разных языках обладает своей спецификой. В частности в английском языке выделяется значительный спектр интонационных моделей, сигнализирующих об истинном содержании высказывания; ведущей из них является стандартная русская интонация для утвердительного предложения (ровный тон). В письменной речи эти выразительные фонетические средства не передаются, что с одной стороны упрощает задачи читателя художественного произведения. С другой стороны, требуется активное логическое «домысливание», основанное на собственно лингвистических и экстралингвистических знаниях. Однако сколько бы сведений помимо

языковых ни требовалось бы для правильного понимания дискурса или текста, начальный импульс такого понимания задан поверхностной языковой формой, и она рассматривается как отправная структура в этом сложном процессе, что напрямую связывает изучение иронии с лексической семантикой.

Теории интерпретации иронических смыслов неизменно существуют на основе более общей теории интерпретации художественного текста, в рамках которой рассматриваются особенности декодирования прямых и переносных значений. Сам процесс декодирования невозможен без знания законов построения художественного текста, которые предполагают сотворчество читателя и автора на основе общего фонда знаний и взаимопонимания. На фоне теоретических принципов современной лингвистики понятие «интерпретация» и «когниция» отождествляются; по сути филологическая интерпретация – вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности.

Не требуется специальных исследований для доказательства необходимости применения к декодированию иронических смыслов свойственной лишь этой категории техники. Опыт создания методики целостного анализа данного феномена показывает, сто центральными понятиями являются контекст, текстовая импликация и подтекст, которые в структуре художественного текста находятся в тесном взаимодействии. Как текстовая импликация, так и подтекст создают дополнительную глубину содержания. В подтексте это дополнительное содержание углубляет сюжет, ведет свою смысловую линию, помогает более полному раскрытию главных тем произведения. Текстовая импликация отражает обстановку отдельного коммуникативного акта, поступка или действия, составляющих отдельное звено сюжет – эпизод.

Богатый материал для выявления и интерпретации подтекста дает драма, поскольку обладает целой системой имплицитно представленных смыслов текста, возникающих при его субъективном восприятии.

В **третьей главе** «Репрезентации иронии в художественном тексте» проводится анализ репрезентаций иронического смысла в ткани художественного произведения в русском и английском языках, делается попытка установить ее коммуникативно-прагматический статус и выработать методику анализа иронического контекста.

Результаты проведенного исследования показывают, что ирония на лексико-семантическом уровне создается организацией средств языка как в структуре авторского повествования, так и в речи персонажей и передается посредством широкого диапазона стилистических приемов (каламбура, метафоры, олицетворения, образного сравнения, оксюморона, гиперболы, зевгмы, аллюзии). В качестве основания отнесения перечисленных приемов к иронически маркированным рассматривается в первую очередь способность создания определенных оттенков модальности, т.е. выявление негативного отношения автора высказывания к факторам действительности. Было

замечено, что в этом случае ирония не столь прямолинейно реализует отношение контекстуального значения слова к предметно-логическому.

Критериями для отбора иронически маркированных стилистических средств выступают: 1) способность к созданию второго плана, контрастирующего с первым; 2) контраст между предметно-логическим и контекстуальным значением; 3) наличие эмоционально-оценочного компонента. Важным представляется тот факт, что возможность к созданию иронического эффекта не является системно закрепленной за лексической единицей (единицами) характеристикой. В связи с этим первостепенное значение следует уделять контекстуальным условиям реализации иронии, учитывающим и лингвистические и экстралингвистические факторы, что является проявлением функционального подхода в изучении иронии.

Лингвистический анализ текстового материала на русском и английском языках позволяет выделить следующие репрезентации иронии на лексическом уровне: каламбур, метафора, олицетворение, образное сравнение, оксюморон, гипербола, зевгма, аллюзия. Реализация каламбура происходит в следующих случаях:

1. Игра слов, в основе которой лежит многозначность слов, в результате чего возникает двусмысленность. Пример такого каламбура можно найти в пьесе современного российского автора А. Яхонтова «Выпьем за Девятое мая!». Действие описываемого эпизода происходит в одном из залов ресторана во время поминального обеда.

Б р а т В д о в ы. Помянем замечательного человека. Василия Николаевича. Ему выпал сложный жизненный путь. Хлебнул достаточно. Хороший. Работящий. Настоящий русский умелец. Не везло ему. Так бывает. Пусть теперь отдохнет. Царство небесное. Давайте, не чокаясь.

С о с е д. Хлебнул – это да. Еще как. Мы с ним … Иногда… Начнем с чекушки… [Яхонтов 2004: 7].

Герменевтический иронический указатель эксплицируется в глаголе «хлебнуть», интерпретация которого не может быть только буквальной. Присутствует возможность расширенного толкования за счет практически одновременной актуализации двух словарных значений, обладающих в данном ситуативном контексте различной степенью позитивности.

2. Игра слов, построенная на омофонных лексических элементах. Наилучшим примером в данном случае является заголовок одной из пьес О. Уайльда – «Как важно быть серьезным» (“The Importance of Being Earnest”). Прилагательное *“earnest”*, имеющее значение *“serious; determined”*, перекликается со сходным по звучанию мужским именем *Ernest*, обладателю которого приписываются такие черты характера, как серьезность, важность, решительность, искренность. Стилистический эффект иронии создается здесь тем, что ни один из персонажей комедии, использующий это имя, подобными качествами не обладает: и Джон Уординг, и Алджернон Монкриф смотрят на мир как на гротесковую сценическую площадку и актерствуют, преследуя желание освободить себя от прозаических забот и тяготящих условностей.

Иная семантика заложена в фонетически созвучной паре слов в

высказывании персонажей пьесы А. Яхонтова «Выпьем за Девятое мая!». Следует отметить, что слово с нарушенным фонетическим образом, употребляясь в контексте наряду с нормальной формой этого слова, получает яркую эмоциональную окраску. Желаемый эффект достигается только в том случае, если такое нарушение не ведет к двусмысленности и неопределенности.

Ж е н а С о с е д а. Никого еще не нашел? Григорий-то ваш. После развода?

З о л о в к а (сухо). Нашел. Женщину. С двумя детьми. Уже взрослыми.

С ос е д. Хорошо, не мужчину.

Ж е н а С о с е д а (толкает мужа в бок). Отдавай отчет. Какие сейчас шутки?

С о с е д. Вот именно – шустрый. Скольких уже сменил? Жен-то! [Яхонтов 2004: 5].

3. Наиболее распространенной формой данного вида каламбура, основанного на омонимии, является комическое или ироническое изменение слова или устойчивого словосочетания (пословицы, поговорки, цитаты и т.д.) с целью придания им нового, нередко противоположного значения. Подобная игра слов широко распространена в художественных произведениях. Однако для того, чтобы заметить в речи трансформированное устойчивое словосочетание и воспринять его эстетико-эмоциональный заряд, необходимо заранее знать исходную форму и владеть его семантикой.

Молодой человек Алджернон Монкриф, персонаж комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным» (“The Importance of Being Earnest”) шутливо перефразирует выражение “Marriages are made in Heaven” (браки заключаются на небесах) на “Divorces are made in Heaven” (разводы совершаются на небесах), демонстрируя таким образом бытовавшие в светском обществе нравы.

Заострить внимание на дополнительном, новом значении преобразованной идиоматической фразы, на ее смысле в предложенном контексте и контексте всего произведения стремится автор пьесы «Выпьем за Девятое мая!» А. Яхонтов.

П ь ю щ и й г о с т ь. … Непьющий гость – хуже татарина [Яхонтов 2004: 9]

В реплике гостя наблюдается звуковая близость замененных слов, входящих в состав поговорки.

4. Иронический эффект может возникнуть в результате контаминации частей двух разных слов. В комедии «Как важно быть серьезным» О. Уайльд создает существительное *“womanthrope”* - «женоненавистник». *“Womanthrope”* возникает в духе народной этимологии по аналогии со словом *“misanthrope”* - человеконенавистник.

Словообразовательный потенциал русского языка также позволяет подобные лингвистические эксперименты. В результате индивидуально-стилистические неологизмы или окказионализмы становятся сильным выразительным средством авторской иронии. В одном ряду с описанными

выше примерами находятся новообразования в романе Д. Донцовой «Жена моего мужа»:

Докторица разгадывала в свободное время кроссворд.
- Доктора Ревенко нет?
- Это я, - заторможено произнесла терапевтица. (…)
- Как найти Яну Соколову, где ее палата?
Гиппократша наморщилась и наконец произнесла:
- Кто это? [Донцова 2005: 44].

Лексические окказионализмы, образованные по продуктивной словообразовательной модели, в словаре не зафиксированы. С одной стороны, существительные «докторица», «терапевтица», «гиппократша» с общей семантикой «врач» принимают активное участие в создании стилистического фона текста; кроме того, характеризуются наличием внутреннего, в данном случае иронического, контекста.

5. К игре слов относятся и языковые парадоксы. Парадокс – один из наиболее часто употребляемых стилистических приемов, используемый для создания насмешливого, иронического эффекта. Парадокс – изречение или суждение, резко расходящееся с общепринятым, традиционным мнением или (иногда только внешне) здравым смыслом. Тот факт, что в основе иронии и в основе парадокса лежит противоречие, делает парадокс одним из средств высмеивания каких-либо фактов или явлений действительности, например:

A woman will flirt with anybody in the world as long as other people are looking on [Wilde 2004: 243].

Собственной спецификой обладают чеховские парадоксы, в особенности те из них, которые формально воспринимаются как парадоксы; контекстуальные условия и здравый смысл раскрывают иронический смысл подобных высказываний. Условно их можно назвать псевдопарадоксами. Один из таких парадоксов принадлежит Шабельскому – персонажу пьесы А. Чехова «Иванов»:

Ш а б е л ь с к и й. Доктора – те же адвокаты, с тою только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают [Чехов 1982: 21].

6. Имитация причинно-следственных связей является одним из актуальных средств реализации иронии. Представляется логичным рассматривать данной явление в ряду других видов каламбура, поскольку всех их объединяет семантический контраст. В романе Джерома К. Джерома «Трое в лодке» (Three Men in a Boat) нарушение причинно-следственной связи имеет место в следующем высказывании одного из персонажей:

I like work; it fascinates me. I can sit and look at it for hours. I live to keep it by me: the idea of getting rid of it nearly breaks my heart [Jerome 1980: 173].

Предложение *I like work* вне предложенного контекста позволяет выдвинуть справедливое предположение о человеке, которому доставляет удовольствие заниматься работой. Но контекстуальное значение глагола *like* несколько иное. Семантическое разногласие в данном случае заключено в переосмыслении значения глагола. Рассказчику нравится лишь сидеть и

смотреть на тот объем невыполненной работы, который ему предстоит сделать.

Из уст персонажа чеховского рассказа «Печенег» Ивана Абрамовича Жмухина звучит следующее высказывание:

Свинья и есть свинья, и недаром ее свиньей назвали … [Чехов 1983: 129].

В данном случае наблюдается ложная этимология слова «свинья».

Интересны рассуждения одного из персонажей романа А. Хаксли «Желтый Кром». Работник поместья, присматривающий за домашним скотом высказывает мысль, созвучную с репликой Ивана Абрамовича:

“Look at them, sir”, he said, with a motion of his hand towards the wallowing swine. “Rightly is they called pigs”.

“Rightly indeed”, Mr. Wimbush agreed.

“I am abashed by that man”, said Mr. Scogan, as old Rowley plodded off slowly and with dignity. “What wisdom, what judgment, what a sense of values! “Rightly are they called swine”. Yes. And I wish I could, with as much justice, say, “Rightly are we called men” [Huxley 1976: 90].

Подобное семантическое сходство тем более интересно, поскольку данные этимологического словаря не содержат ни одной теории, согласно которой слово «свинья» явилось бы обозначением неаккуратного, грязного или нечистоплотного животного, человека и пр.

Следующей по многочисленности является группа стилистических средств создания иронического эффекта способом деперсонализации – оживотнивания или овеществления. Как правило, деперсонализация и олицетворение рассматриваются как разновидности метафоры. Насмешка в данном случае выражается при помощи сравнения, в котором люди уподобляются либо животным и птицам, либо неодушевленным предметам, как в следующем примере:

She is a peacock in everything but beauty [Wilde 2004: 28].

Такую характеристику из уст лорда Генри, персонажа романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», получает одна из дам аристократического общества. Лорд Генри использует в своей речи метафору, в которой дама уподобляется павлину.

Подобное сравнение имеет место и в произведениях русскоязычных авторов. Рассказ А.П. Чехова «Душечка» пронизан добродушной иронией, направленной на главную героиню. Иронический смысл разлит по всему произведению, однако немало и лексических маркеров, где текстовая ирония находит свое выражение в виде разнообразных стилистических приемов, например:

И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха [Чехов 1983: 212].

В структуре художественного произведения нередки случаи выражения иронии посредством перифраза, который выступает как средство непринужденного звучания речи, имеющей нередко ироническую окраску.

Индивидуально-авторские перифразы всегда изобразительны, они дают возможность автору обратить внимание на те черты описываемых явлений и предметов, которые особенно важны в художественном отношении.

Персонаж комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным» был найден в хозяйственной сумке на одной из лондонских железнодорожных станций – факт, который не является предметом гордости в «высшем» обществе, где залогом успеха служат именитое происхождение, громкие титулы, материальный достаток. *"Romantic origin"*, как называет подобную ситуацию возлюбленная Уординга, может расцениваться как перифраз, содержащий элемент иронии. Слова с возвышенной поэтической окраской, употребляющиеся по отношению к такому неприглядному положению вещей, придают насмешливое звучание реплике героини.

Некоторая семантическая близость к описанному выше случаю наблюдается в перифразе в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой», где женская половина населения главным персонажем названа *«низшей расой»* [Чехов 1983: 221]. При декодировании имплицированного иронического смысла необходимо обратить внимание на контекст рассуждений героя. Иронично не пренебрежительное отношение к женскому полу. Взгляд на женщин «свысока» характерен не только для Дмитрия Дмитриевича Гурова. Иронична ситуация, при которой автор данного перифраза «без низшей расы не мог бы прожить и двух дней.

Оксюморон как одно из средств скрытой насмешки характерен для творчества многих представителей английской и русской литературы. В романе «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда оксюморон используется для характеристики управляющего неизвестного лондонского театра:

He escorted them to their box with a sort of pompous humility, waving his fat jeweled hands, and talking at the top of his voice [Wilde 2004: 108].

В словосочетании *pompous humility* наблюдается сочетание двух антонимичных понятий: *pompous – full of, showing self-importance; humility – humble condition or state of mind.* Таким образом, два слова противоречат друг другу по смыслу. В русском варианте выражение звучит так: «напыщенная скромность».

Иную функцию выполняет оксюморон в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

На дверях комнаты №2 было написано что-то не совсем понятное: «Однодневная творческая путевка» [Булгаков 1989: 283].

Автор мастерски строит контекст, в котором от контраста слов и ситуации возникает иронический подтекст, слова не приобретают противоположное значение, однако интуитивно читатель определяет высказывание в разряд иронических.

К фигурам языкового комизма, без сомнения, относится и такой стилистический прием, как зевгма. Однако в настоящей работе зевгма представляет интерес в плане импликации иронического смысла. В рассказе О. Уайльда «Кентервилльское привидение» (The Canterville Ghost) прослеживается случай употребления зевгмы, содержащей элемент иронии:

… he vanished into the great iron stove…, arriving at his own room in a terrible state of dirt, disorder, and despair [Wilde 1979: 56].

Как в русском, так и в английском языках, ирония нередко строится на грубом преувеличении или явном противоречии, о чем упоминается, в частности, в работах И.В. Гюббенет, Б.В. Томашевского, Г.Н. Орловой. Стилистически ирония построена на гиперболе. Случаи гиперболы с ироническим подтекстом позволяют читателю глубже проникнуть в характеры персонажей и отношения между ними, как в следующем примере из пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня»:

А с т р о в. И долго они еще здесь проживут?

В о й н и ц к и й (свистит). Сто лет. Профессор решил поселиться здесь. [Чехов 1982; 135].

В ряду явлений, способствующих созданию иронического эффекта одно из важных мест занимает аллюзия или, в терминологии В.В. Красных, Ю.Н. Караулова, прецедентный феномен. Это наиболее трудноопределимый и емкий вид текстовой реминисценции, в рамках которого может встречаться некая языковая отсылка, воспроизведение какой-либо части исходного текста. Причем эта отсылка выступает как вторичное средство по отношению к смысловому сходству.

При анализе прецедентных феноменов в структуре художественного произведения целесообразно придерживаться классификации В.В. Красных, которая выделяет социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены. К первой группе относятся феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального) и входящие в коллективное когнитивное пространство, т.е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры. Так, профессиональные клише в речи учителей воспринимаются в одинаковой степени достоверно представителями данной группы; неуместность же их в определенном коммуникативном акте способствует ироническому переосмыслению высказывания адресатом. Например,

К у л ы г и н (подбирая осколки). Разбить такую дорогую вещь – ах, Иван Романыч, Иван Романыч! Ноль с минусом вам за поведение! [Чехов 1982: 220].

К группе национально-прецедентных относятся феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу.

В романе современной британской писательницы Дж. Колган «Обращаясь к Эддисону» (*J. Colgan. Talking to Addison*) повествование ведется от лица ироничного рассказчика – молодой девушки Холли, к своим двадцати восьми годам не преуспевшей ни в личной жизни, ни в отношениях с окружающими, ни в профессиональном плане. Ее замечания, ремарки, комментарии ироничны, а подчас и саркастичны:

…those tiny Natalie Imbruglia types – those girls you could keep in your handbag [Colgan 2002: 117].

Подобные трудности могут вызвать национально-претедентные феномены, знакомые русскому лингвистическому сообществу в примере из романа Д. Донцовой «Жена моего мужа»:

Я вздрогнула. Накануне три часа драила «хрущобу», чтобы понравиться предполагаемой свекрови. Нина Андреевна присела к столу и принялась расхваливать угощение:

- Тортик! Великолепно, давно я не ела ничего готового. Просто надоело: как придешь куда-нибудь, все домашнее подсовывают – пирожки, кулебяки… А у вас покупное, чудесно! Правильно, деточка, нечего с молодых ногтей в домохозяйку превращаться [Донцова 2003: 7].

Ряд прецедентных феноменов: «хрущоба», «свекровь», «кулебяка» в приведенном контексте лишь косвенно способствует созданию иронического смысла.

Универсально-прецедентные феномены известны любому среднему современному homo sapiens и входят в универсальное когнитивное пространство. На сегодняшний день этот тип носит достаточно гипотетический характер, хотя и представляется вполне реальным.

Мифологические сюжеты дают богатые возможности для создания лингвистической базы иронического смысла и в русском и в английском языках. В романе Д. Донцовой «Жена моего мужа» прослеживается такой случай аллюзивной иронии:

Мило улыбаясь в лицо гарпиям, я стала задом пятиться к двери. Нет, две свекрови сразу – это слишком, никакая нервная система не выдержит [Донцова 2005: 151].

Her mother is perfectly unbearable. Never met such a Gorgon… [Wilde 1979: 34].

Богатый материал в лингвистическом плане и, в частности для создания иронических подтекстов, дают аллюзивные ссылки на известных исторических персонажей, деятелей науки, искусства и т.д. Например:

F r e d (to Tom). Back to you books, Einstein [Via 1998: 44].

Созданию иронических смыслов во многом способствуют так называемые «людические» трансформации прецедентных феноменов, в частности, игра с литературной традицией или ироническая стилизация, например:

М а ш а. …Тоже мне, Гамлет, принц гадский [Коляда 2004: 60].

Тенденция к привлечению в область исследования широкого контекста, рассмотрению целого дискурса при интерпретации иронического смысла находится в русле современных лингвистических идей. Полноценная, адекватная интерпретация иронии представляется невозможной без учета междисциплинарных связей и достижений во всестороннем исследовании данного феномена таких наук и отраслей научного знания, как психология, логика, философия, история, мифология, культурология, лексическая семантика, психолингвистика и др. Инструментарий этих наук вовлекается в

процесс интерпретации, что способствует глубокому осмыслению каждого конкретного иронического контекста.

Рассмотренные репрезентации иронии в русском и английском языках убедительно демонстрируют возможность использования ее в качестве яркого и принятого средства оценки. Реже ирония используется в функции обращения, которое характеризуется коммуникативным и прагматической ориентацией – побуждает к ответной речемыслительной деятельности. При этом основными стимулами к иронизированию являются: 1) личная неприязнь; 2) зависть/ревность; 3) ценностные ориентации автора. В качестве объекта иронии может выступать значительный спектр предметов, лиц, явлений, событий. В некоторых случаях ирония может не иметь конкретного объекта, а связываться с определенной мыслью. Наиболее ярко это прослеживается в языковых парадоксах.

Богатая палитра образных средств, используемых авторами художественных произведений, позволяет не только глубже проникнуть в замысел автора, разглядеть его насмешку и выявить ее объект, но способствует более полному раскрытию характеров, явлений, идей. Вместе с тем, результаты проведенного исследования позволяют выявить доминирующие средства и приемы создания иронического эффекта. Частотность репрезентаций иронии каждого вида вычисляется по формуле *a/bx100%*, где *a* – количество репрезентаций данного вида, *b* – общее количество репрезентаций иронии.

	количество репрезентаций
каламбур	61%
метафора	5%
образное сравнение	8,1%
перифраз	3,1%
оксюморон	4%
зевгма	0,2%
гипербола	4,7%
аллюзия	13,9%

Очевидно, что средства и приемы могут быть менее или более специализированны для выражения авторского иронического отношения к излагаемому (так, каламбур, оксюморон, гипербола традиционно изучаются как средства создания иронического эффекта); менее или более (а то и вовсе редко) употребляться; входить в систему других средств и приемов или появляться изолированно. К последнему случаю относятся, как правило, случаи чистого антифразиса (12,9% всех случаев реализации иронического смысла).

Анализ произведений русскоязычной и английской художественной литературы показал, что на современном этапе наблюдается динамическая тенденция в реализации иронических смыслов в форме апелляции к различного рода прецедентным феноменам. Активным средством познания современной действительности в настоящей работе выступает так

называемая массовая литература (наряду с произведениями, традиционно относимыми к разряду иронических). С одной стороны, они дают богатый, актуальный материал для исследования контекстуальных и ситуативных условий актуализации и функционирования иронических смыслов. С другой стороны, авторы и читатели признают, что по произведениям подобного рода можно изучать быт и жизнь общества, за границей по ним узнают, какова наша жизнь сегодня; произведения массовой литературы содержат особый взгляд на общественно значимые проблемы. Таким образом, результаты исследования текстового материала претендуют на высокую степень достоверности.

Достоин внимания тот факт, что ирония конца XIX- начала XX вв. основывается главным образом на фонетическом и/или семантическом переосмыслении лексических единиц, фразеологических словосочетаний, крылатых слов, пословиц, цитат. Для современной литературы, как русско-, так и англоязычной каламбур по-прежнему остается ведущим средством реализации иронии; тем не менее акцент смещается в сторону авторских окказионализмов, к настоящему времени не зафиксированных в словарях. Следует отметить, что в русском языке богатые словообразовательные возможности проявляются и на базе английских производных основ.

Ироническое переосмысление прецедентных феноменов также претерпевает качественные изменения. Прецедентные феномены, будучи переброшены в совершенно другой текст, вызывают у читателя определенные ассоциации, однако иронический эффект вызывает не всякая аллюзивность, а лишь та, которая способствует созданию второго плана, контрастирующего с первым. Данный случай иронии имеет сильную информативную зависимость от лингво-культурного тезауруса, на фоне которого он и существует. Если при интерпретации социумно- и универсально-прецедентных феноменов у носителей русского и английского языков не возникает существенных трудностей, то национально-прецедентные феномены способны создавать коммуникативные барьеры. Дело в том, что русский язык, находясь под воздействием новых социально-экономических и культурных реалий, является активным потребителем иноязычных элементов. По очевидным причинам ведущую роль в качестве языка-донора в данном случае продолжает играть английский язык. Употребление «абсолютно английских» или «абсолютно русских» аллюзий в русско- и англоязычном дискурсе соответственно может явиться причиной коммуникативных сбоев на уровне межкультурного общения.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Мухина, Ю.Н. Ироническая маркированность каламбура в художественном тексте/ Ю.Н. Мухина// Вестник Саратовского государственного технического университета. - №3. – Вып.2. – 2006. – С. 170-175
2. Мухина, Ю.Н. О понятии «минимальный контекст» в интерпретации иронии/ Ю.Н. Мухина// Язык, образование и культура: Материалы

Межвуз. конференции, Саратов, 26 января 2006 г. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. – С. 126-130
3. Мухина, Ю.Н. Предпосылки возникновения термина «ирония» и его семантическая эволюция/ Ю.Н. Мухина// Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Межвуз. сб. науч. статей. Вып.2. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. – Вып. 3. - С. 30-35
4. Мухина, Ю.Н. Ироническое переосмысление прецедентных феноменов/ Ю.Н. Мухина//Язык и культура в современном экономическом пространстве: Материалы междунар. научно-практич. Конференции, посвящ. 75-летию образования СГСЭУ, 24.04.06. Ч.1. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. – С. 68-73
5. Мухина, Ю.Н. Стилистические функции иронии (на материале произведений О. Уайльда)/ Ю.Н. Мухина, Л.Б. Якушкина// Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам в вузе: Межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2002. – С. 139-157
6. Мухина, Ю.Н. Приемы передачи контекстуальной иронии при переводе (на материале произведений О. Уайльда)/ Ю.Н. Мухина// Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Сб. науч. статей. Вып.2. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2004. – С. 80-83
7. Мухина, Ю.Н. Средства создания языковой иронии в драматургическом произведении/ Ю.Н. Мухина// Вступление. Фрагменты исследований по филологии: Сб. науч. работ студентов. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2004. – Вып. 2. – С. 33-35
8. Мухина, Ю.Н. К вопросу об этимологии термина «ирония»/ Ю.Н. Мухина// Legal and Business English: Linguistic and Educational Aspects: Материалы Междунар. научно-практич. Конференции 7 февраля 2005 г. – Саратов: Изд-во Латанова В.П., 2005. – С. 23-26